

Он не стал бы делать то, что не окупается, и точка.

Жун Цзянь медленно моргнул, и его сердце сжалось от горечи. На самом деле Мин Е редко рассказывал о себе, и Жун Цзянь иногда забывал, какова была жизнь Мин Е до начала «Злого семени».

Он должен был быть наследником Потомков Небесного божества, иметь хороших родителей, много богатства, расти в любви, заботе и тепле, но из-за эгоизма наложницы его подменили, и он жил в нищете и холоде.

Те несколько строк из романа были жизнью Мин Е до сих пор. Даже если в будущем он получит многое, даже всю страну, это не сможет компенсировать потерянные годы его юности.

Жун Цзянь молчал, ему было трудно выразить свои чувства в этот момент, и он не знал, что сказать, просто смотрел на Мин Е, его ресницы дрожали.

Через мгновение Мин Е наконец заговорил, равнодушно сказав:

— Я не менял его просто потому, что он ещё не разорвался, и иногда им можно вытереться.

Жун Цзянь удивился:

— Это же вы вышили в детстве, разве это не ценно и не имеет памятного значения?

Жун Цзянь был обычным человеком, который ценил вещи, связанные с определёнными чувствами.

Поэтому платок, который Мин Е вышил сам, пытаясь заработать, но в итоге бросил, был для него особенным, и его стоило беречь.

Однако этот платок, похоже, из-за его существования прошёл через многое. На нём были следы помады, крови, первые следы не оставили ничего, но теперь, с чернилами, вероятно, не отмоешься.

Думая об этом, Жун Цзянь нахмурился, его глаза стали влажными, и он с грустью сказал:

— Что делать? Платок испачкан, на этот раз не отмыть?

Мин Е действительно не понимал этого человека, у него тоже были вещи, которые он не мог понять:

— Почему Ваше Высочество расстраивается из-за такого старого платка?

Жун Цзянь всё ещё думал, как вернуть платку первоначальный вид, и не знал, как ответить.

Мин Е поднял платок, его голос по-прежнему был спокойным:

— Чернила, которые использует Ваше Высочество, самые лучшие, но любая ткань, испачканная такими чернилами, не отмывается.

В этот момент сердце Жун Цзяня словно остановилось.

Мин Е сказал:

— Но есть другой способ, можно попробовать, подождите немного.

Время ожидания показалось Жун Цзяню вечностью.

Через некоторое время Мин Е вернулся с двумя вещами, открыл их — это были две коробки с краской, красной и зелёной.

Жун Цзянь спросил:

— Что это?

Мин Е спросил:

— Ваше Высочество умеет рисовать?

Жун Цзянь не понял, растерянно ответил:

— Нет.

Мин Е кивнул, взял две новые кисти и тихо сказал:

— Прошу прощения.

Жун Цзянь не знал, за что извиняться, но в следующее мгновение Мин Е вложил кисть с краской в его руку, а его собственная рука была охвачена рукой Мин Е.

Температура Мин Е была низкой, его пальцы были холодными, Жун Цзянь слегка вздрогнул, расслабился и позволил Мин Е держать его руку.

Что он собирается делать?

Мин Е держал его руку, нанося краску на платок, и сказал:

— В идеале нужно было бы использовать золотую пудру, но она слишком дорогая, осталось немного киновари.

Жун Цзянь быстро понял его замысел, его рука, которую держал Мин Е, медленно выводила на платке ветку корицы, наклонённую к стене.

Но цветы на ветке были не золотыми, а ярко-красными, как киноварь.

Мин Е быстро закончил, отпустил руку и попытался успокоить человека, которого он не мог понять, используя его логику:

— Теперь, когда я буду смотреть на этот платок, я буду вспоминать, как Ваше Высочество нарисовали для меня эту ветку корицы.

На самом деле Мин Е не придавал значения тем событиям, которые произошли в его жизни, но у него была хорошая память, и он всегда помнил. А глядя на этот платок, он, возможно, будет вспоминать глаза Жун Цзяня, смотрящего на него, то, что он пока не мог понять.

Жун Цзянь резко поднял голову, его пальцы сжались, сердце сильно забилося.

В павильоне в центре озера горел уголь, и в этом маленьком пространстве было очень жарко,

лицо Жун Цзяня покраснело.

Жун Цзянь почувствовал, как бьётся его сердце, он не знал, почему оно так учащённо бьётся, подумал, что, возможно, в комнате слишком жарко, и подошёл к окну, приоткрыв его.

Холодный ветер ворвался внутрь, коснулся щеки Жун Цзяня и немного охладил его.

Мин Е спросил:

— Что случилось, Ваше Высочество?

По какой-то причине Жун Цзянь немного боялся смотреть на него, смущённо ответил:

— Немного жарко.

Он с опозданием осознал, что учащённое сердцебиение, возможно, связано с этим человеком.

Мин Е был главным героем «Злого семени», единственным Лун Ао Тянь в этом мире, и к тому же... он был таким хорошим.

Немного растеряться от его обаяния — это было вполне нормально.

Думая так, Жун Цзянь повернул голову и посмотрел на Мин Е.

Тот опустил глаза, его взгляд был устремлён на платок, он не проявлял особой заботы, просто рассматривал его, будто это было что-то обычное.

Жун Цзянь нашёл подходящее объяснение, охладился от ветра и уже убедил себя, что его мысли снова вернулись к платку.

Он подошёл, и хотя, когда его руку держали, чтобы нарисовать этот рисунок, он не чувствовал ничего особенного, теперь он касался его с осторожностью и спросил:

— Когда он высохнет?

Жун Цзянь, только что подувший холодный ветер, всё ещё чувствовал остаточное тепло, его мочки ушей горели, и он, кажется, не мог этого вынести, поэтому сжал их пальцами, пытаясь охладить.

Мин Е смотрел на него сверху вниз.

В учебные дни Жун Цзянь одевался очень просто.

На нём не было украшений, на белых мочках ушей висела простая жемчужина, она была небольшой, но очень круглой, с мягким блеском.

Скорее жемчужина украшала Жун Цзяня, чем Жун Цзянь подчёркивал красоту жемчужины.

Мин Е подумал об этом и медленно отвел взгляд.

Платок отнял около получаса, но учёбу всё равно нужно было продолжать.

Жун Цзянь осторожно перенёс платок к лампе, где он был в безопасности и не мог быть случайно задет, но во время учёбы он всё равно часто поглядывал на него, не мог

сосредоточиться.

На самом деле Жун Цзянь не был тем учеником, который учится до изнеможения, перед Мин Е он почти не скрывал своих мучений в учёбе, часто превращался в «солёную рыбу», и даже на индивидуальных занятиях мог отвлекаться.

Например, в этот момент, читая о храме, Жун Цзянь вдруг вспомнил:

— Кстати, через несколько дней нужно будет выехать из дворца в Храм Защиты Государства, ты пойдёшь со мной?

Мин Е сказал:

— Я телохранитель Вашего Высочества, конечно, поеду с вами.

Жун Цзянь кивнул, подумал немного и спросил:

— А ты... хочешь поехать? Если не хочешь, то можно взять выходной.

С точки зрения Жун Цзяня, охрана Мин Е — это обязанность и работа, а он, судя по себе, очень хотел бы отдохнуть.

Мин Е остановил кисть, с улыбкой посмотрел на Жун Цзяня, видимо, догадываясь о его мыслях.

Жун Цзянь замолчал и продолжил читать.

Так, с перерывами, они учились два часа, и когда стало темнеть, Жун Цзянь был измотан, его лицо лежало на раскрытой книге, он бормотал жалобы:

— Учитель Ци просто вырывает ростки.

Мин Е объяснил:

— Он боится, что не успеет.

Жун Цзянь удивился:

— Что не успеет?

Мин Е не ответил.

Надвигалась буря, когда вдовствующая императрица Сюй решила привезти Сюй Яо в столицу, чтобы устроить брак для Жун Цзяня, ложь о том, что принцесса ещё не выросла, была раскрыта.

Он уже вырос, достаточно, чтобы в глазах всех родить наследника и взойти на престол.

Текущее спокойствие было как озеро в безветренную погоду, один камень мог вызвать тысячу кругов на воде, что уж говорить о надвигающейся буре?

Мин Е смотрел на Жун Цзяня перед собой, никто не знал, о чём он думал в этот момент.

В общем, после мучительной учёбы и подготовки к тому, что, скорее всего, придётся повторять

всё дома, Жун Цзяня проводили обратно во дворец Чанлэ.

Едва войдя, он услышал, как Сы Фу доложил, что та служанка выздоровела и ждёт, чтобы прийти и поблагодарить.

Жун Цзянь сказал:

— Врач уже осмотрел её? Полностью выздоровела? Пусть придёт.

Авторское примечание:

— Почему сердце бьётся так сильно?

Спасибо за чтение, в комментариях разыграю двадцать подарочных карт, в критические дни голова кружится qwq

<http://bllate.org/book/16310/1471623>